

Научная статья

УДК 339.9

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1580

Viktoria Viktorovna Dlusskaya

Candidate of Economics,
Associate Professor of the Department of Economic Theory
and Behavioral Economics,
Moscow University “Synergy”
Moscow, Russian Federation
ms.dlusskaya@gmail.com

Виктория Викторовна Длусская

канд. экон. наук,
доцент кафедры экономической теории
и поведенческой экономики,
Московский университет «Синергия»
Москва, Российская Федерация
ms.dlusskaya@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ С 2014 г.

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Отечественная внешняя торговля под влиянием западных санкций претерпела за последнее десятилетие существенные изменения. Изменялась структура основных торговых партнеров, удельные веса товаров экспорта и импорта. Для ряда экспортноориентированных отраслей (добывающего сектора, металлургии, сельского хозяйства, пищевой промышленности) эти изменения стали поворотным моментом в развитии. Поэтому, исходя из актуальности проблемы, текущее исследование нацелено на анализ трансформации российской внешней торговли с самого начала активной фазы санкционного воздействия на нашу страну, т. е. с 2014 г. В ходе работы показано, что санкции 2014 г. оказали достаточно кратковременный эффект на процессы переориентации российской внешней торговли с запада на восток, и в 2021 г. ситуация практически вернулась к досанкционному уровню. Однако санкции 2022 г. привели к кардинальной смене курса: уже 76 % экспорта и 73 % импорта приходилось на азиатские государства (кроме Японии

и Южной Кореи), хотя в 2021 г. на них приходилось лишь 32 и 37 % соответственно. Это говорит о переносе фокуса политико-экономических отношений в Азию. Прежде всего, это Китай, Индия и Турция в плане экспорта (58,3 % в сумме на 2024 г.), в плане импорта — Китай, Казахстан и Турция (63,3 %). В товарном выражении основной эффект санкций выразился в снижении доли минеральных продуктов в экспорте на фоне роста удельного веса вывоза золота, удобрений и сельхозпродукции. В целом данные свидетельствуют о двойственном влиянии санкций как на структуру стран-партнеров, так и на состав торговли по товарам. Судя по динамике, стоит ожидать дальнейшего сокращения вывоза минеральных продуктов на фоне увеличения нетопливного экспорта, а также усиления концентрации основного фокуса торговли со странами Азии, Африки и Латинской Америки.

Ключевые слова: анализ, внешняя торговля, динамика, импорт, перспективы, санкции, структура, удельные веса, факторы, экспорт

Для цитирования: Длусская В. В. Трансформация российской внешней торговли с 2014 г. // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 96—101. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1580.

Original article

TRANSFORMATION OF RUSSIAN FOREIGN TRADE SINCE 2014

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. Domestic foreign trade has undergone significant changes over the past decade under the influence of Western sanctions. The structure of key trading partners and the relative weight of exported and imported goods have shifted. Certainly, for a number of export-oriented industries (mining, metallurgy, agriculture, and the food industry), these changes have become a turning point. Given the relevance of the issue, the current study aims to analyze the transformation of Russian foreign trade over the specified period, beginning with the onset of the active phase of sanctions on our country in 2014. The study demonstrates that the 2014 sanctions had a relatively short-lived effect on the reorientation of Russian foreign trade from West to East. And in 2021, the situation practically returned to the pre-sanction level. However, the sanctions of 2022 led to a radical change in course: 76% of exports now go to and 73% of imports come from Asian countries (excluding Japan and South Korea),

compared to only 32% and 37%, respectively, in 2021. This indicates a shift in the focus of political and economic relations to Asia. These are primarily China, India, and Turkey in terms of exports (58.3% in total for 2024). In terms of imports, these are China, Kazakhstan, and Turkey (63.3%). In terms of goods, the main effect of the sanctions was a decrease in the share of mineral products in exports, amid an increase in the share of gold, fertilizers, and agricultural products. Overall, the data indicate a dual impact of the sanctions on both the structure of partner countries and the composition of trade in goods. Judging by the dynamics, we can expect a further reduction in the export of mineral products against the background of an increase in non-fuel exports, as well as an increase in the concentration of the main focus of trade with countries in Asia, Africa, and Latin America.

Keywords: analysis, foreign trade, dynamics, imports, prospects, sanctions, structure, shares, factors, exports

For citation: Dlusskaya V. V. Transformation of Russian foreign trade since 2014. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):96—101. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1580.

Введение

Экспортоориентированность ряда отраслей отечественной экономики подчеркивает **актуальность** подробного статистического анализа российской внешней торговли, т. к. именно экспортные возможности формируют потенциал развития ряда отраслей. Особенно это значимо для добывающей промышленности, топливной, металлургии, деревообрабатывающей, химической, агропромышленного сектора и ряда других направлений, где доля продаж продукции на мировых рынках наиболее высока, и на деятельность которых санкции 2014 и 2022 гг. оказали существенное воздействие [1].

Анализ динамики тектонических сдвигов в структуре внешней торговли будет способствовать пониманию перспектив дальнейшего развития отечественной экономики для экспортоориентированных отраслей, а также для наиболее чувствительных направлений импортозамещения.

Изученность проблемы. Санкции 2014 г. оказали крайне важное и долгосрочное воздействие на российскую внешнюю торговлю, на отечественную экономику, процессы импортозамещения и в целом ознаменовали начало курса на построение более независимой и суверенной национальной экономики с самостоятельным политико-экономическим курсом.

До 2014 г. инерционные процессы построения рыночной экономики в России шли в основном в направлении формирования места России в глобальной системе разделения труда, прежде всего, как источника ресурсов. Наиболее привлекательные отрасли были в той или иной степени освоены иностранным и транснациональным капиталом, что обуславливало технологическую зависимость от импорта технологий и преимущественную сырьевую направленность экспорта. По данным А. П. Цыпина, в добывающей промышленности доля иностранного капитала достигала почти двух третей, в экспортоориентированных отраслях обрабатывающей промышленности — порядка 50—70 % (металлургия, деревообработка, нефтепереработка, химическая промышленность и др.) [2]. Причем со временем эти тенденции усиливались, несмотря на политику импортозамещения и опережающего развития отраслей, имеющих стратегическое значение, например, сельского хозяйства [3]. Всё это имело следствием преобладание сырьевого экспорта и технологического импорта без существенных изменений в этой тенденции.

Санкции (и контрсанкции) 2014 г., несмотря на политико-экономическую подоплеку, в конечном счете выступили первым серьезным шагом, даже этапным моментом на пути к экономическому и технологическому суверенитету, что уже отмечалось нами ранее [4], а также в работах А. М. Калинина [5], И. Е. Каткова [6] и А. В. Турова [7]. В результате, что подтверждается данными В. Н. Едроновой, в 2014—2021 гг. доля минеральных продуктов в экспорте стала снижаться на фоне роста удельного веса драгоценностей, пластмасс, каучука, химических продуктов, металлов, сельхозпродукции и продукции машиностроения [8]. То есть, структура экспорта стала несколько улучшаться. Но главные изменения коснулись основных торговых партнеров: доля стран Европейского Союза резко сократилась, уступая азиатским государствам, в меньшей степени — странам Африки и Латинской Америки.

О. Б. Иванов и К. А. Катушева конкретизировали эффект санкций, что на какие-то направления, несомненно, было оказано негативное воздействие, но в других, напротив, они стимулировали рост — в основном в «восточных проектах» [9; 10]. Я. С. Мазаева называет сельскохозяйственный сектор основным выгодоприобретателем всего периода санкций, что не замедлило сказаться и на положительной динамике экспорта сельхозпродукции [11].

О. М. Дьячкова и Ф. Сюэ отмечают сохранение данной динамики в 2023 г. переноса основного фокуса трансграничной отечественной торговли с Запада на Восток [12; 13]. Текущее исследование формирует более цельный взгляд на динамику отечественной торговли, как в отношении основных стран-партнеров, так и в товарном выражении, включая в себя наиболее актуальные данные за 2024 г.

Целесообразность разработки темы. В условиях глобализации экономики и встроенности России в международные торговые и производственные цепочки отслеживание актуальной информации и динамике внешней торговли имеет высокую значимость.

Научная новизна работы заключается в использовании перекрестных данных по внешней торговле Российской Федерации с другими странами за 2022—2024 гг., т. к. прямая подробная официальная статистика по внешнеэкономической деятельности с 2022 г. не публикуется. Поэтому указанный период подробно не анализируется в разрезе отдельных стран и товаров в исследованиях других авторов.

Текущая работа заполняет этот пробел в исследованиях, а точнее: на основании данных статистических ведомств других государств воспроизведен временной ряд внешней торговли России за 2022—2024 гг. Показана динамика общих показателей экспорта и импорта, структура торговли по отдельным странам и товарным группам.

Целью работы является получение цельной комплексной картины российской внешней торговли за последнее десятилетие с применением информационно-аналитических инструментов. Результаты могут быть полезны при выработке актуальных решений по диверсификации экспортных потоков и процессов импортозамещения в отечественной экономике.

К **задачам** исследования относятся формирование полного временного ряда по российской внешней торговле с 2014 по 2024 г. с выделением «этапных» 2014 и 2021—2024 гг. для оценки влияния санкций на внешнюю торговлю страны. Особый интерес представляет структурная трансформация экспорта и импорта в разрезе отдельных стран-партнеров и главных товарных групп.

Теоретическая значимость работы основывается на выработке концептуального теоретического подхода к оценке внешней торговли России в условиях ограниченности прямой статистической информации путем использования перекрестных данных национальных статистических ведомств — через международный статистический агрегатор.

Практическая значимость заключается в построении непрерывных временных рядов отечественного экспорта и импорта в условиях ограниченности официальной информации. Данные могут быть использованы для текущих

и прогнозных оценок состояния отечественной экономики, краткосрочной и долгосрочной стабильности бюджетных и корпоративных финансов [14; 15], а также расстановки дружественных политических сил на международной арене.

Основная часть

Материалы и методы. В текущем исследовании использован метод построения и анализа временных рядов за счет использования перекрестных данных по внешней торговле от статистического агрегатора *TradeMap*. Предварительные данные за 2025 г. в исследовании не отражены, поскольку, во-первых, они не являются конечными, а во-вторых, не включают данные по ряду стран, в частности по Индии, которая в настоящее время выступает одним из ключевых торговых партнеров.

Общий временной охват исследования составляет период с 2014 по 2024 г. До 2021 г. включительно использованы прямые официальные данные по российской внешней торговле. Данные за 2022—2024 гг. сформированы путем использования информации о импорте и экспорте основных торговых партнеров России по данным их статистических ведомств («перекрестные данные»).

Результаты исследования и их обсуждение. Как видно из табл. 1, к началу исследуемого периода Европейский Союз был основным торговым партнером России: им закупалось более 45 % отечественных экспортных товаров. Примерно по 5 % составляли доли Турции, Японии, США и Беларуси. На Китай в 2014 г. приходилось всего 8,7 % экспорта. На указанные государства приходилось три четверти внешнеторговых поставок российских товаров.

Таблица 1

Экспорт товаров из Российской Федерации по странам в 2014—2024 гг., млрд долларов США

Страна	2014	2015	2021	2022	2023	2024
Всего	476,7	326,7	496,5	579,3	424,3	406,7
Европейский Союз (до 2020 г. — с Великобританией)	215,2	134,0	201,7	214,4	53,6	38,8
Китай	41,6	33,2	78,1	114,1	128,5	129,1
Индия	4,2	4,5	8,7	40,6	60,6	64,2
Турция	25,4	20,4	29,0	58,9	45,6	44,0
Казахстан	13,8	10,5	17,6	17,3	16,2	18,3
Бразилия	3,2	2,2	5,7	7,9	10,0	11,0
Армения	1,1	1,0	1,8	2,6	4,4	9,2
Узбекистан	3,1	2,2	5,3	6,1	6,5	7,7
ОАЭ	2,1	1,2	3,7	8,2	6,4	7,1
Япония	24,8	15,7	14,1	15,0	7,4	5,7
США	24,5	17,2	30,7	15,1	4,9	3,3
Беларусь	21,9	16,9	11,9	н/д	н/д	н/д
Украина	12,7	7,5	6,1	1,5	—	—

Примечание: сост. по данным *TradeMap* (<https://www.trademap.org/Index.aspx>).

Уже в 2015 г. экспорт в Европейский Союз падает почти вдвое (с 215,2 до 134 млрд долларов США). Хотя экспорт сокращался и для других государств, однако именно падение вывоза в страны Европы в максимальной степени повлияло на сокращение российского экспорта товаров в первый период санкций. В 2016 г. падение продолжилось — до 116 млрд долларов США.

Затем следует период восстановления к досанкционным показателям: в 2021 г. и по абсолютным, и по относительным значениям экспорт в страны Европы практически сравнялся с 2014 г. Однако доля Китая при этом выросла до 15,7 %, Турция и США незначительно нарастили свой удельный вес в российском экспорте (до 5,8 и 6,2 % соответственно), а вот доли Японии и Беларуси уменьшились почти вдвое — до 2,8 и 2,4 % соответственно. Таким образом, можно отметить, что с точки зрения экспортных потоков первый виток санкций 2014 г. к 2021 г. в основном был нивелирован. И сокращение доли стран коллективного Запада было относительно небольшим — их суммарная доля сократилась всего лишь на 6—7 %, которые заместил вывоз товаров в Китай.

Однако санкции 2022 г. имели куда больший эффект, чем в 2014 г.: к 2024 г. доля Европейского Союза сократилась до незначительных 9,5 %, США — до 0,8 %, Японии — до 1,4 %. При этом экспорт в Китай составил долю в 31,7 %, в Индию — 15,8 %, в Турцию — 10,8 %. На топ-3 азиатских государства пришлось почти 60 % российского экспорта в 2024 г. А в целом на азиатские страны (кроме Японии и Южной Кореи) — 76 % (в 2021 г. — 32 %). Это говорит о кардинальной смене политико-экономических ориентиров в России за последние три года.

Динамика импорта в разрезе основных поставщиков товаров в Россию отражена в табл. 2.

Таблица 2

Импорт товаров в Российскую Федерацию по странам в 2014—2024 гг., млрд долларов США

Страна	2014	2021	2022	2023	2024
Всего	290,8	266,6	199,4	219,1	211,2
Европейский Союз (до 2020 г. — с Великобританией)	138,3	106,4	58,2	41,1	34,9
Китай	53,7	67,6	76,1	111,1	115,5
Казахстан	6,4	7,0	8,8	9,8	9,5
Турция	6,2	5,8	9,3	10,9	8,6
Германия	39,8	31,5	15,4	9,6	8,2
Индия	2,2	3,3	2,9	4,1	4,9
Италия	12,6	9,1	6,1	5,0	4,7
Республика Корея	10,1	10,0	6,3	6,1	4,6
ОАЭ	0,7	1,5	2,6	4,5	4,4
Армения	0,3	0,8	2,4	3,5	3,1
Узбекистан	н/д	1,7	2,6	3,0	3,0
Япония	9,2	7,9	4,6	2,8	2,2
США	10,8	6,4	1,7	0,6	0,5
Украина	9,8	3,4	0,5	—	—
Беларусь	15,1	14,0	н/д	н/д	н/д

Примечание: сост. по данным *TradeMap* (<https://www.trademap.org/Index.aspx>).

Таблица 2 иллюстрирует примерно схожие тенденции в российском импорте, что и обозначенные для табл. 1 в экспортном направлении: с 2014 по 2021 г. сначала наблюдается период резкого охлаждения торговли со странами Европы и, в меньшей степени — с остальными государствами. Но к 2021 г. ситуация в основном восстанавливается, но часть выпавшего товарооборота замещается Китаем. В 2022 г. наступает период радикальной перестройки

структуры импорта. К 2024 г. доля азиатских стран (кроме Японии и Южной Кореи) составляет 73 %, тогда как в 2021 г. она составляла 37 %.

Любопытно, что если экспорт товаров из России в Беларусь за 2014—2021 гг. сократился вдвое, то импорт остался на прежнем уровне. К сожалению, *TradeMap* не отражает для Беларуси данные по торговле позднее 2021 г.

Структура экспорта из Российской Федерации в рассматриваемый период представлена в табл. 3.

Таблица 3

Экспорт товаров из Российской Федерации по товарам в 2014—2024 гг., млрд долларов США

Наименование	2014	2015	2021	2022	2023	2024
Все товары	498	334	492	579	424	407
Минеральные продукты	346	169	212	386	262	255
Драгоценные металлы	11,8	7,4	31,6	25,6	25,4	24,7
Удобрения	9,0	8,6	12,5	21,0	15,3	15,3
Черные металлы	20,6	14,9	28,9	23,9	16,5	13,2
Злаки	7,1	5,5	9,2	10,5	14,8	11,3
Алюминий	6,3	6,9	8,7	10,3	8,6	7,6
Жиры и масла	2,3	1,8	5,4	6,1	6,2	6,5
Древесина и изделия из нее	7,8	6,2	11,7	9,6	6,3	6,1
Руды	3,3	1,9	7,4	5,5	5,4	6,0
Рыба	2,9	2,7	5,9	8,0	6,3	5,9

Примечание: сост. по данным *TradeMap* (<https://www.trademap.org/Index.aspx>).

Судя по данным табл. 3, можно заключить, что в период с 2014 по 2021 г. наблюдалось существенное снижение доли топлива в структуре экспорта из России, при этом росла доля остальных товаров. Значительно увеличился экспорт драгоценных металлов (в 2,7 раза в абсолютном и в относительном выражении), масложировой продукции (в 2,4 раза), металлических руд (в 2,3 раза) и рыбы (в 2 раза). Под драгоценными металлами следует понимать экспорт золота — он составляет сейчас второе место в структуре вывоза товаров (и в 2021, и в 2024 гг.).

После санкций 2022 г. к 2024 г. доля топлива снова резко выросла до 62,7 % — почти до уровня 2014 г. в 69,5 %. Хотя в абсолютном выражении экспорт топлива в 2022 г. достиг исторического максимума — 386 млрд долларов США (против 346 млрд долларов США в 2014 г.). К 2024 г. вывоз минеральных продуктов уменьшился до 255 млрд долларов США, но, тем не менее, это значительно больше, чем составлял экспорт топлива из России в 2015—2021 гг. Другими словами, доходы нефтегазового сектора и, соответственно, бюджета представляются более значительными, чем в период до 2022 г. Соответственно, ожидания, что санкции в первую очередь ударяют по топливному сектору экономики и федеральному бюджету — преждевременны. Хотя, динамика внешней торговли топливом за 2022—2024 гг., конечно, отрицательная.

В 2022—2024 гг. заметно растет вывоз удобрений, в 2024 г. они заняли третью строчку после экспорта золота с долей в 3,8 % (в 2014 г. — 1,8 %, в 2021 г. — 2,5 %).

На четвертом месте оказался вывоз черных металлов с долей 3,2 %. Очевидно, российский металлургический сектор переживает тяжелые времена, т. к. порядка 40—45 %

продукции традиционно экспортировалось. Но если к 2021 г. вывоз черных металлов по сравнению с 2014 г. увеличился с 20,6 до 28,9 млрд долларов США, то к 2024 г. он резко сократился до 13,2 млрд долларов США. И тенденция к сокращению не позволяет рассчитывать на улучшение ситуации в ближайшие годы. Очевидно, что металлургический сектор входит в период длительной рецессии и сокращения производства по причине сокращения экспортных возможностей.

Продажи алюминия также находятся в негативном тренде, а поскольку порядка 90 % российского алюминия экспортируется, то это фактически означает схожую ситуацию с черной металлургией, хотя пока еще столкнувшейся с более медленным сокращением экспорта.

Продажи сельхозпродукции (злаки, жиры и масла) и рыбы в 2014 г. в сумме составляли 12,2 млрд долларов США (2,5 % экспорта), в 2021 г. — 20,4 млрд долларов США (4,1 %), в 2024 г. — 23,7 млрд долларов США (5,8 %). Судя по динамике экспорта, сельскохозяйственный сектор действительно является основным выгодоприобретателем всего периода санкций, что подтверждает мнение Я. С. Мазаевой [11].

Структура импорта в Российскую Федерацию в рассматриваемый период представлена в табл. 4.

Таблица 4

Импорт товаров в Российскую Федерацию по товарам в 2014—2024 гг., млрд долларов США

Наименование	2014	2021	2022	2023	2024
Все товары	287	294	199	219	211
Реакторы ядерные, котлы, оборудование	52,1	54,4	35,2	40,0	40,1
Средства наземного транспорта,	31,4	26,8	14,6	28,4	29,5
Электрические машины и оборудование	33,7	36,8	22,9	25,7	20,8
Фармацевтическая продукция	12,8	13,8	13,8	12,3	12,1
Пластмассы и изделия из них	11,0	12,6	8,9	8,3	7,6
Инструменты и аппараты оптические	7,9	8,7	6,7	7,1	7,1
Органические химические соединения	3,1	5,9	5,6	5,1	5,1
Съедобные фрукты и орехи	5,5	5,4	4,8	4,7	4,7
Продукты неорганической химии	3,3	3,1	3,6	3,9	4,7
Обувь	3,7	3,7	3,3	4,6	4,0

Примечание: сост. по данным *TradeMap* (<https://www.trademap.org/Index.aspx>).

Как видно из табл. 4, санкции 2014 и 2022 гг. в гораздо менее значительной степени повлияли на структуру и объемы российского товарного импорта. Продукция машиностроения и химические продукты остаются ключевыми ввозными товарами с достаточно стабильными удельными весами, хотя в абсолютном исчислении, конечно, импорт заметно сократился. Несколько увеличилась доля средств наземного транспорта (10,9 % в импорте 2014 г., 9,1 % — в 2022 г. и 14 % — в 2024 г.) и продуктов органической и неорганической химии (2,2, 3 и 4,6 % соответственно), что свидетельствует о скрытой сырьевой зависимости отечественного химического сектора от импорта.

Закключение

Исследование продемонстрировало эффект влияния санкций 2014 и 2022 гг. на российскую внешнеторговую деятельность. Сначала санкции 2014 г., а в большей степени 2022 г. послужили основным фактором сдвига фокуса внешнеторговой деятельности России с Запада на Восток — из стран Европы в страны Азии. Если до 2014 г. на страны Европейского Союза приходилось около 45 % российской торговли, то к 2021 г., несмотря на восстановительные процессы — уже около 40 %, а к 2024 г. — 10 % экспорта и менее 17 % импорта. Ключевые объемы торговли осуществляются с Китаем, Инди-

ей, Турцией и Казахстаном — на них приходится до двух третей общего внешнеторгового оборота.

В товарном выражении санкции повлияли на снижение объема и удельного веса топлива и металлургической продукции в структуре экспорта на фоне роста доли золота, удобрений и сельскохозяйственной продукции. На структуру товарного импорта санкции оказали относительно небольшое воздействие. Несколько увеличилась доля химических продуктов и средств наземного транспорта в общей структуре ввоза. Однако в целом она весь исследуемый период остается достаточно стабильной, без резких изменений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гаджимирзоев Г. И. Переориентация экспортной политики Российской Федерации после введения экономических санкций // *Маркетинг и логистика*. 2022. № 6(44). С. 15—24.
2. Цыпин А. П., Овсянников В. А. Оценка доли иностранного капитала в промышленности России // *Молодой ученый*. 2014. № 12(71). С. 195—198.
3. Цыпин А. П., Попов В. В., Овсянников В. А. Рост иностранного капитала в сельском хозяйстве России как угроза продовольственной безопасности страны // *Продовольственная политика и безопасность*. 2016. Т. 3. № 3. С. 197—202.
4. Длуская В. В., Киселева Е. Н. Потребительские предпочтения стран содружества в условиях санкционных ограничений // *Modern Economy Success*. 2023. № 2. С. 110—114.
5. Калинин А. М. Оценка воздействия адресных (персональных) санкций США на российские компании в 2014—2023 гг. // *Вопросы экономики*. 2025. № 8. С. 26—43. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-8-26-43.
6. Катков И. Е. Контекст анализа феномена санкций в исследованиях отечественных и зарубежных авторов (в период с 2014—2024 гг.) // *Вопросы политологии*. 2025. Т. 15. № 2. С. 401—409.
7. Туров А. В. 2014—2024 годы — десятилетие санкций и укрепления финансового суверенитета России // *Международная жизнь*. 2024. № 8. С. 60—69.
8. Едронova В. Н. Внешняя торговля России в условиях санкций 2014—2022 гг. // *Экономический анализ: теория и практика*. 2023. Т. 22. № 3. С. 445—464. DOI: 10.24891/ea.22.3.445.
9. Иванов О. Б., Бухвальд Е. М. Санкции и контрмеры в российской экономике (региональный аспект) // *ЭТАП: Экономическая теория, анализ, практика*. 2022. № 4. С. 7—27. DOI: 10.24412/2071-6435-2022-4-7-27.
10. Катусева К. А. Воздействие западных санкций на российскую железнодорожную отрасль в 2014—2015 гг.: «эффект бабочки» // *ГосРег: государственное регулирование общественных отношений*. 2016. № 2(16). Ст. 25.
11. Мазаева Я. С., Махновский Д. Е. Влияние санкций на развитие отраслей экономики и регионов РФ в 2014—2016 годах // *Управление. Бизнес. Власть*. 2016. № 2(11). С. 102—106.
12. Дьячкова О. М., Белова Е. А. Развитие трансграничного сотрудничества Российской Федерации в условиях санкций // *Modern Economy Success*. 2024. № 6. С. 75—81.
13. Сюэ Ф. Экономическое и финансовое сотрудничество Китая и России в условиях санкций США и ЕС (2014—2024 гг.) // *Международные отношения*. 2025. № 2. С. 134—151. DOI: 10.7256/2454-0641.2025.2.73299.
14. Руднева А. О. Влияние геополитических факторов на динамику нефтегазовых доходов России в контексте роста налоговой нагрузки на газовую отрасль страны // *Вестник евразийской науки*. 2025. Т. 17. № 3. URL: <https://esj.today/PDF/75ECVN325.pdf>.
15. Руднева А. О. Динамика экспорта трубопроводного газа России в Европу: геополитические факторы и влияние на валовую прибыль ПАО «Газпром» // *Фундаментальные исследования*. 2025. № 5. С. 78—87. DOI: 10.17513/fr.43836.

REFERENCES

1. Gadzhimirzoev G. Reorientation of the export policy of the Russian Federation after the introduction of economic sanctions. *Marketing i logistika*. 2022;6(44):15—24. (In Russ.)
2. Tsy-pin A. P., Ovsyannikov V. A. Assessment of the share of foreign capital in Russian industry. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2014;12(71):195—198. (In Russ.)
3. Tsy-pin A. P., Popov V. V., Ovsyannikov V. A. Increase of foreign capital in Russia's agriculture as a threat to the country's food security. *Prodovol'stvennaya politika i bezopasnost' = Food Policy and Security*. 2016;3(3):197—202. (In Russ.)
4. Dlusskaya V. V., Kiseleva E. N. Consumer preferences of the CIS countries in the context of sanctions restrictions. *Modern Economy Success*. 2023;2:110—114. (In Russ.)
5. Kalinin A. M. Assessing the impact of US targeted (personal) sanctions on Russian companies in 2014—2023. *Voprosy Ekonomiki*. 2025;(8):26—43. (In Russ.) DOI: 10.32609/0042-8736-2025-8-26-43.
6. Katkov I. E. The context of the analysis of the phenomenon of sanctions in the studies of domestic and foreign authors (in the period from 2014-2024). *Voprosy politologii = Political science issues*. 2025;15(2):401—409. (In Russ.)
7. Turov A. V. 2014-2024: A decade of sanctions and strengthening of Russia's financial sovereignty. *Mezhdunarodnaya zhizn' = International Affairs*. 2024;8:60—69. (In Russ.)
8. Edronova V. N. Russia's foreign trade under sanctions in 2014—2022. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*. 2023;22(3):445—464. (In Russ.) DOI: 10.24891/ea.22.3.445.

9. Ivanov O. B., Buchwald E. M. Sanctions and countermeasures in the economy of the Russian Federation (regional aspect). *ETAP: Ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika* = *ETAP: Economic theory, analysis, practice*. 2022;4:7—27. (In Russ.) DOI: 10.24412/2071-6435-2022-4-7-27.
10. Katusheva K. A. The impact of Western sanctions on the Russian rail industry in 2014-2015: “The butterfly effect”. *GosReg: gosudarstvennoe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii*. 2016;2(16):25. (In Russ.)
11. Mazaeva Ya. S., Makhnovskii D. E. The impact of sanctions on the development of economic sectors and regions of the Russian Federation in 2014-2016. *Upravlenie. Biznes. Vlast`*. 2016;2(11):102—106. (In Russ.)
12. Dyachkova O. M., Belova E. A. Development of cross-border co-operation of the Russian Federation under sanctions conditions. *Modern Economy Success*. 2024;6:75—81. (In Russ.)
13. Xue F. Economic and financial cooperation between China and Russia in the context of US and EU sanctions (2014-2024). *Mezhdunarodnye otnosheniya* = *International relations*. 2025;2:134—151. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0641.2025.2.73299.
14. Rudneva A. O. The influence of geopolitical factors on the dynamics of oil and gas revenues in Russia in the context of the growing tax burden on the country’s gas industry. *Vestnik evraziiskoi nauki* = *The Eurasian Scientific Journal*. 2025;17(3). (In Russ.) URL: <https://esj.today/PDF/75ECVN325.pdf>.
15. Rudneva A. O. Dynamics of Russia’s pipeline gas exports to Europe: geopolitical factors and impact on Gazprom’s gross profit. *Fundamental`nye issledovaniya* = *Fundamental research*. 2025;5:78—87. (In Russ.) DOI: 10.17513/fr.43836.

Статья поступила в редакцию 10.02.2026; одобрена после рецензирования 18.03.2026; принята к публикации 23.03.2026.
The article was submitted 10.02.2026; approved after reviewing 18.03.2026; accepted for publication 23.03.2026.